

В.Н. Ламздорф

**Дневник В.Н. Ламздорфа
(1886-1890)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В.Н. Ламздорф
В11 Дневник В.Н. Ламздорфа (1886-1890) / В.Н. Ламздорф – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 406 с.

ISBN 978-5-458-15191-7

Под редакцией и с предисловием Ф.А. Ротштейна. Автор дневника - Вла-
димир Николаевич Ламздорф, граф, советник министра, а впоследствии ми-
нистр иностранных дел России. В эту книгу вошли его записки за период
1886-1890 гг.

ISBN 978-5-458-15191-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

было и ожидать. «Августейший дурень», «коронованный дурак», «слабоумный монарх», «августейший Юпитер» — в таком неоптимальном тоне отзывается Ламздорф о царе. Не лучшего мнения он был о царице, о наследнике (впоследствии Николае II), о дворе (который он сравнивал с кабаком) и о всей аристократии (аттестует «славной компанией» воров и разбойников¹). Из дневника не видно, чтобы он делал из своего презрительного отношения к царскому режиму какие-либо политические выводы. Он — республиканец: он даже идеализирует монархию в прошлом всякий раз, как он сравнивает (а делал он это довольно часто) «век нынешний и век минувший». С другой стороны, он, как и его начальник, гневно осуждает оголтелую реакцию, предводимую Толстым и Победоносцевым, и по мере сил оказывает ей противодействие. В общем, однако, у него преобладает политическая «резвящаяся», находящая себе выражение в негероическом восклицании: «где искать безопасности, где уберечь какие-либо крохи для семьи!»

Пессимизм Ламздорфа находил себе, однако, оправдание и в той области, которая наиболее была ему близка и за которую он нес большую часть формальной ответственности — в области дипломатии. Несомненно, и как дипломат Ламздорф родился под несчастливой звездой. В течение двух поколений основной аксиомой русской иностранной политики была питимая дружба с Пруско-Германией, базировавшаяся на монархической и династической солидарности царствующих домов и на родстве аграрных душ правящего дворянства в обеих странах. Ради этой дружбы царская Россия, скрепя сердце, поддерживала и политическую дружбу с Австрией, своей соперницей на Балканах, и в 1871 году заключила с обеими державами тайный союз, возобновленный двумя годами позже, а после некоторого перерыва еще раз восстановленный в 1881 и вновь возобновленный в 1884 году. Как и всякая любовь, этот тройственный союз «трех императоров» не обходился без недомолвок и даже «сцен». В особенности берлинский конгресс был для него тяжелым испытанием вследствие явно пристрастного отношения германской дипломатии к Австрии. Ссора, как известно, дошла до того, что царская дипломатия объявила дальнейшее тройственное сожительство невозможным и предложила Германии сделать выбор между Россией и Австрией. Германия не задумалась выбрать Австрию, заключив с ней отдельный «оборонительный» союз.

Несмотря на это, в 1881 году, как упоминалось, союз был восстановлен на основе нового договора и с натяжкой был продолжен в 1884 году еще на одно трехлетие. Но ему так и не удалось дожить до своего естественного конца: в 1885 году произошла знаменитая «революция» в Филиппополе, и обе старые соперницы, Россия и Австрия, дружившие для того, чтобы не подраться, очутились открыто в противоположных лагерях. Россия проиграла свою историческую балканскую игру (навек, как показали последующие события) в пользу Австрии, которая не замедлила воспользоваться оплошностью русской дипломатии (направление которой попало в руки «славянских» кругов), чтобы посадить на болгарский престол своего кандидата и тем отнять у своей соперницы последнюю ее опору на Балканах (Румыния, кстати сказать, была закреплена за Австрией еще раньше, в 1883 году, союзным договором). Дипломатия Гирса-Ламздорфа оказалась тут совершенно бессильной что-либо сделать. Как раз первые годы дневника, — годы, к которым относятся эти перипетии австро-русской дипломатической борьбы в Болгарии, — содержат большие пробелы, а 1888 год совершенно отсутствует. Но и в тех записях, которые до нас дошли, отражается достаточно ясно та беличья беготня, которую царское правительство, послушное голосу Каткова и Игнатьева, предельвало со своими совершенно нереальными кандидатурами на вакантный болгарский престол и своими фантастическими проектами восстаний в «освобожденной» Болгарии. Ламздорф и Гирс тут были не причем: были посуду другие, а они лишь покупали новую, чтобы как-нибудь держать хозяйство в порядке. Нельзя сказать, чтобы роль эта была из приятных, и мизантропический тон записей Ламздорфа за этот период становится понятным.

В числе закулисной им и Гирсом новой посуды был новый секретный и секретный договор с Германней, известный в истории под именем «перестраховочного». Бесподобный жонглер, умевший играть одновременно пятью шарами, Бисмарк не постеснялся, не взирая на союз с Австрией, тайком от нее заключить в 1887 г. договор также и с Россией, против которой этот союз был направлен, считая, что понятие: «оборонительный» очевидно дает ему возможность комбинировать свои партнерства вдоль и поперек и наизнанку и этим оригинальным способом избавиться, наконец, от своего хронического кошмара, кошмара коалиций.

Для царской России, споткнувшейся на Балканах, этот договор также был приятным благоприобретением, так как он давал ей возможность заняться своими средне-азиатскими делами, сильно подрывавшимися «пакостями англичанки». Переговоры о заключении этого договора велись в Берлине Шуваловым и в дневнике Ламздорфа не отражаются совсем, благодаря отсутствию записей, начиная со второй недели апреля 1887 г. Зато мы находим в нем полное и, можно сказать, драматическое отражение исходных и заключительных моментов этого договора в 1890 году.

За этот короткий промежуток времени произошли в обеих странах большие перемены, как внутренние, так и внешние. В России промышленный капитал впервые стал делать заявку на внимание правительства и оспаривать монопольную позицию, до сих пор занимавшуюся аграрно-торговыми интересами. Внешним выражением этого нового явления была замена старого Бунге на посту министра финансов деятелем нового, капиталистического типа — Вышнеградским и введение в 1887 году первого протекционного тарифа. Уже одно это изменение в направлении общественно-хозяйственного развития России намечало разрыв в старом блоке русско-германской дружбы. Действительно, непосредственным ответом на введение Россией покровительственных пошлин было провозглашение со стороны Бисмарка финансового бойкота в виде закрытия германского денежного рынка для русских займов. Тогда царское правительство, в свою очередь, вступило на путь репрессий, запретив немецким купцам и ремесленникам проживание в прибалтийских губерниях и приобретение там ими недвижимости и принявшись за энергичную русификацию немецких областей. Для традиционной дружбы обоих монархов это было довольно тяжелое испытание. Но к этому времени и Германия проделала значительную внутреннюю эволюцию: ее промышленность уже конкурировала со старыми по всему миру, и ее банковский капитал делал свои первые шаги, пробираясь на Ближний и Дальний Восток и прицепляясь к некоторым интересным местам в Африке и других частях света, лежавшим «без хозяина» и как бы напрашивавшимся под власть просвещенных гамбургских мореплавателей и негодянтов. Интерес к старому другу, отсталому русскому аграрию, как-будто отпадал, зато повышался интерес к Англии, которая могла помочь колониями и финансовым сотрудничеством. Пока жил старый

Вильгельм I, больше прусский король, чем германский император, и правил Бисмарк, «провод» с Россией продолжал действовать, хотя и не без перебоев. Но в 1888 году он умирает, через три месяца умирает и его преемник, и на престол восходит молодой Вильгельм II. Как всегда в таких случаях бывает, консервировавшийся авторитетом долголетнего и удачного царствования старые политические традиции сразу теряют почву и «лицо», и новые устремления начинают искать себе выражения. Новый кайзер делает первый визит русскому царю и горячо заверяет его в своей преданности и решимости идти по стопам своего незабвенного деда. Но уже в марте 1890 года он бесцеремонно дает отставку старому канцлеру, творцу его империи и всемогущему вершителю судеб Европы, и в записях Ламздорфа ярко отражена созданная этим дерзким актом паника. Хотя сам царь раньше характеризовал Бисмарка элегантным словом: «обер-скот», однако и на него уход этот оказал сильное впечатление: как раз в этот момент возобновлены были в Берлине переговоры о продлении секретного договора по инициативе русской дипломатии после того, как Гирсу удалось преодолеть в царе анти-германские поползновения, навеянные на него Победоносцевым и «Московскими Ведомостями». Вильгельм II однако специально призвал к себе Шувалова и поручил ему передать царю, что персональная перемена, происшедшая в составе германского правительства, несколько не изменит направления его внешней политики, что он попрежнему дорожит интимной связью с Россией, и что он готов возобновить и продлить договор 1887 года.

Казалось бы, все шло благополучно. Наши двое друзей, Ламздорф и Гирс, добивавшиеся во что бы то ни стало этого возобновления и даже готовые ради этого пойти на уступки, выбросив дополнительный протокол — собственное сочинение Шувалова, — в котором Германия обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет и даже оказывать моральную и дипломатическую поддержку России во всех мерах, которые она захочет принять для защиты входа в Черное море, т.е. на случай захвата проливов и даже эвентуальной войны с Англией — эти двое друзей были несказанно рады. Но означенный разговор Вильгельма с Шуваловым состоялся 21 марта, а уже через шесть дней приехавшему из Петербурга германскому послу

Швейнцу поручается по возвращении на свой пост сообщить, кому следует, что договор не будет возобновлен, так как-де после происшедших персональных перемен германскому правительству пужна передышка, а переговоры о возобновлении договора осложнят положение. Эту германскую сторону истории с договором мы узнаем в подробности из германских архивных документов, а у Ламздорфа мы читаем о том ошеломляющем впечатлении, которое произвел на нашу дипломатию отказ от договора с его наивно-дипломатической мотивировкой. Царь принял отказ, по крайней мере, с внешней стороны с большим чувством удовлетворения, но Ламздорф и его начальник впали в сильнейшее отчаяние. Чтобы спасти хоть обломок потерпевшего крушение дипломатического корабля, они готовы были выбросить за борт весь лишний груз, включая и дополнительный протокол, и удовлетвориться попыткой путем обмена нот или личных писем получить в письменном виде хотя бы то уверение в неизменности пламенных чувств, которым Швейнци по поручению своего господина сопроводил свое роковое извещение. Но тут они наткнулись на сопротивление самого царя, который в данном случае, надо признать, оказался более трезвым и принципиальным политиком, чем они.

Изучение германских документов показывает, что истинным мотивом, побудившим новое германское правительство Каприви настоять перед Вильгельмом на ломке старой политической линии, было желание сблизиться с Англией, для чего надо было избавиться от всех старых обязательств перед Россией. Сольсбери тогда откровенно говорил германскому послу в Лондоне, графу Гатцфельду: «К направленным против нас укреплениям в Дарданеллах султан в свое время был побужден советами из Берлина. Но здесь как раз лежит самый важный пункт для дальнейшего развития вещей. Если вы хотите серьезно служить нашим совместным интересам на случай русского выступления, то вы должны взять обратно упомянутые советы и по мере сил заботиться о том, чтобы мы в случае чего не нашли ворота запертыми». А так как об эту самую пору между Англией и Германией уже шли переговоры, приведшие спустя пару месяцев к знаменитому обмену Занзбара на Гельголанд, и так как в самый разгар кризиса в русско-германских переговорах, в марте 1890 г., в Берлине гостил принц уэльский (будущий король Эдуард VII)

со своим сыном Георгом (нынешним королем) по случаю празднеств ордена Черного Орла, а в Дармштадте гостила сама королева Виктория, которую кайзер собирался через несколько дней навестить, то английская точка зрения, конечно, получила перевес. Как, в самом деле, можно было заключить договор с Россией о захвате проливов, когда все ближайшие интересы и родственные связи толкали германское правительство на сближение с Англией? Из записей Ламздорфа ясно видно, что русская дипломатия очень хорошо поняла эту подоплеку дела: на нее указывал сам царь, указывал и Гирс, и даже Шувалов. Эти места дневников было бы долго цитировать, — достаточно обратиться на них внимание читателя. Они чрезвычайно интересны не только с исторической точки зрения, но и по замечательной аналогии, в них содержащейся, с обстановкой наших собственных дней — дней Локарно и их значения для существовавших со времени Рапалло отношений между Германией и нашим Союзом. Опять чары Англии влекут Германию с неведомой силой, и опять ради них забывается — мягко выражаясь — восточный сосед. *Absit omen!*

Эти два крупнейших эпизода в дипломатических отношениях того времени, — они же являются и крупнейшими неудачами нашей тогдашней дипломатии, — составляют главное внешнеполитическое содержание издаваемого ныне первого тома дневников Ламздорфа. Они же представляют значительный интерес и как бытовой документ, отражающий жизнь высшего чиновничества и придворной челяди того времени, когда, по крайней мере, с наружной стороны, фасад царского самодержавия еще не был так загрязнен, как впоследствии, и мог еще импозировать своими размерами и солидностью. Через пятнадцать лет, когда наш автор уже сам стоял во главе министерства, в котором он прослужил столько десятилетий, этот фасад дал первую и притом весьма изрядную трещину, и тогда даже с улицы можно было увидеть внутреннюю гниль: это была японская война и наша первая революция. И нужно же было, чтобы это случилось как раз при министре, который так ясно предвидел и так ужасно боялся последствий будущей войны!

Ф. Ротштейн.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатающийся нами «Дневник» извлечен из хранящегося в Особом Отделе Архива Октябрьской Революции дипломатического и семейного архива бывшего министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа. Весь дневник в целом охватывает период времени от января 1886 до декабря 1896 г.; велся он В. Н. Ламздорфом на французском языке; написан на бумаге небольшого формата мелким узористым почерком, с большим количеством вклеенных в него газетных вырезок. С внешней стороны он представляет собой ряд довольно толстых тетрадей в плотных темно-синих переплетах; общее число их 29. Дневника за 1888 г. не имеется.

Из указанного материала нами издаются в настоящее время дневники за 1886, 1887, 1889 и 1890 годы — первые девять тетрадей; из текста выпускаются отрывки, имеющие чисто личный характер и лишенные общественного интереса. Все фразы и слова, написанные в оригинале по-русски, в печатном издании набраны разрядкой. Все вписанное между строк без указания, к какому месту оно относится, включено в квадратные скобки.

ДНЕВНИК
В. Н. ЛАМЗДОРФА
1886—1890 г.г.

1886 г.

Д е к а б р ь.

Понедельник. 1-го декабря.

Рано поднимаюсь к министру, которого нахожу уже готовым ехать в греческую церковь, где должна быть отслужена торжественная обедня по случаю совершеннолетия наследника престола герцога Спартанского.—Г. Гирс говорит мне, что он энергично протестовал против нападков на министерство, заключавшихся в отчете адмирала Шестакова, который рассматривался вчера в комитете у вел. кн. Алексея.—Адмирал извинился перед Ник. Карл. и все были, повидимому, с ним согласны, так что вопрос о выделении всех восточных дел из общей политики и учреждение чего-то вроде автономного управления в ведении начальника азиатского департамента даже и не обсуждается. Я говорю, что этот странный проект напоминает мне разделение Римской империи, перед ее падением, на Восточную и Западную.

Перед отъездом в церковь г. Гирс дает мне прочесть записку Шестакова, и я выписываю из нее то, что относится к нашему министерству.

Когда я по возвращении вскрываю почту и прибывшие вечером экспедиции, от министра получается пакет с возвращенными сударем бумагами. На вчерашней телеграмме князя Лобанова, сообщающей, что принц Эммануил Вогоридес отправляется в Петербург для того, чтобы находиться в распоряжении императорского правительства в качестве кандидата на болгарский престол, его величество пишет на полях: «Может быть, и понадобится». Затем, на перлюстрированной депеше

гр. Грешич к гр. Робилану, против места, гласящего, что «еще до кандидатуры кн. Мишгрьельского была речь о кандидатуре гр. Павла Шувалова, которого в настоящий момент имеют в виду в случае надобности, как возможного заместителя г. Гирса», государь делает следующую пометку: «Это для меня новость, никогда не слыхал об этом и очень рад узнать!!!». Наконец, на перлюстрированной телеграмме лорда Идлеслей сэру Морперу от 22 ноября/11 декабря 1886 г., сообщающей о предписанном германскому агенту в Софии корректном образе действий, его величество начертил: «Теперь действительно видно, что Германия заодно с нами в болгарском вопросе». Пометка эта, находящаяся в таком противоречии с теми, которые мы видели недавно, доставила мне большое удовольствие.

Вторник, 2-го декабря.

Утром в пакете возвращенных государем бумаг, на телеграмме г. Сомова из Софии от 30 ноября, сообщающей, что Гадбон-паша телеграфировал Порте о том, что он находит несомненным с достоинством Оттоманского правительства продолжать переговоры с болгарскими регентами, давшими дерзкий ответ на предложенную Турцией кандидатуру кн. Мишгрьельского, мы находим следующую пометку его величества: «Пока только мы и Турция пришли к этому убеждению, надеюсь, что и Германия скоро убедится, что с настоящими регентами ничего поделать иначе, как силою, нельзя». Итак, опять поднимается вопрос о том, чтобы прибегнуть к силе.

Вчера Зиновьев прочел мне проект сообщения в «Правительственном Вестнике», имеющего целью оживить наши добрые отношения с Германией и обуздать нашу сбившуюся с пути прессу. Министр представит этот проект во время своего доклада на усмотрение его величества.

Придя в 3 часа к чаю, Зиновьев рассказывает мне о своих частых свиданиях с Вышнеградским, который, как говорят, должен скоро сменить г. Бунге в министерстве финансов. Сообщения его мало успокоительны. Решение Государственного Совета обложить железнодорожные акции, вопреки условиям займа, по которым они освобождаются от всякого налога, может дать самое боль-